

Н. Долинина

Князь Андрей

После свидания с Пьером князь Андрей продолжал жить в деревне так же безвыездно, как и раньше. Но внутренняя жизнь его изменилась: он много читал, следил за всеми событиями, много думал.

Мысль о том, что он может воскреснуть к новой жизни, любви, деятельности, — мысль эта неприятна ему. Поэтому, увидев на краю дороги старый корявый дуб, как будто не желающий расцветать и покрываться новыми листьями, князь Андрей грустно соглашается с ним: «Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб... пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь кончена!»

Ему тридцать один год, и все еще впереди, но он искренне убежден, что «ему начинать ничего... не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая».

Наташа ли вошла в эту жизнь и перевернула ее, или князь Андрей, сам того не зная, был уже готов к тому, чтобы воскреснуть душою?

Вероятно, и то, и другое справедливо. Ведь когда он приехал по делам в имение Ростовых и увидел Наташу, его только встревожила ее неистребимая жажда жизни. «Чему она так рада?.. И чем она счастлива?» — думал князь Андрей, невольно завидуя этому уменью быть счастливой.

Но после встречи с Наташей князь Андрей иными глазами смотрит вокруг себя — и старый дуб теперь подсказывает ему совсем другое.

«“Да где он?” — подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам того не зная... любовался тем дубом, которого он искал... Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно».

Казалось бы, он приходит к тому же, к чему пришел Пьер: «Надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь... чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!» Но он не просто старше и опытнее Пьера; князь Андрей — другой человек, более зрелый и умеющий доводить до конца свои решения. Поэтому в деревне ему удалось то, что не удавалось Пьеру; поэтому через два месяца после встречи со старым дубом он уехал в Петербург, чтобы быть полезным людям.

С первых же строк, рисующих появление князя Андрея в Петербурге, Толстой подготавливает нас к его будущему разочарованию. Князь Андрей еще полон надежд. Но мы, благодаря Толстому, уже видим, как холоден с ним царь, недовольный тем, «что Болконский не служил с 1805 года», как тупы глаза Аракчеева и почти невежлив его тон; как неестествен Сперанский, в котором князь Андрей ждет найти «полное совершенство человеческих достоинств».

Мы все это видим. Но... князь Андрей страстно заинтересован реформистской деятельностью Сперанского, он жаждет участвовать в ней, он полон жизни.

Тогда и входит в его судьбу Наташа. Этого не могло бы случиться два года назад. Он не был готов для любви, и она не была готова. Теперь, воскреснув духовно, он ждет новой любви. И Наташа, пройдя через сочувствие к Денисову и самолюбивое удовольствие от новой встречи с Борисом, — пройдя через любовь, обращенную к ней, ждет того, кого полюбит она. Своим обостренным чутьем Наташа знает: до сих пор все это было не то, не ОН. Но должен же ОН прийти...

И он приходит — на бале, где присутствует царь, где «Элен имела большой успех», а Наташа стояла среди дам, «замиравших от желанья быть приглашенными», и чуть не плакала.

Пьер попросил своего друга пригласить Наташу, но князь Андрей и сам «узнал ее, угадал ее чувство, понял, что она была начинающая, вспомнил ее разговор на окне и с веселым выражением лица подошел к графине Ростовой.

— Позвольте вас познакомить с моей дочерью, — сказала графиня, краснея.

— Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня, — сказал князь Андрей с учтивым и низким поклоном, совершенно противоречащим замечаниям Перонской о его грубости...

«Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея».

Так началась эта любовь, которую никогда не мог понять старый князь Болконский и так хорошо понял Пьер.

Так началась эта странная любовь двух очень, очень разных людей, — может, потому и полюбили друг друга, что такие разные.

«Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка. И такова была Наташа, с ее удивлением, радостью, и робостью, и даже ошибками во французском языке». Его жена, маленькая княгиня Лиза, никогда не делала ошибок во французском языке. И не было в ней ни робости, ни удивления: она вся была отсюда — из света; здесь он нашел ее и полюбил, но теперь он — другой, и ему теперь может открыться другая любовь, какой он еще не знал никогда.

На следующий день он поехал к Ростовым и, слушая пение Наташи, «почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слезы, возможность которых он не знал за собой... Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно». Приехав домой, «он лег спать по привычке ложиться, но увидел скоро, что он не может спать... Ему и в голову не приходило, чтоб он был влюблен в Ростову; он не думал о ней; он только воображал ее себе, и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете».

То же самое происходит с Наташей: «Все равно я не буду спать. Что за глупости спать!» — говорит она матери. — «...такого со мной никогда не бывало!»

А князь Андрей в это время говорит Пьеру: «Никогда не испытывал ничего подобного... Я не жил прежде. Теперь только я живу, но я не могу жить без нее...»

На вечере у Бергов Пьер заметил, что Наташа «не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, ежели бы она не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида». Вошел князь Андрей — и «она вся преобразилась. Из дурной опять сделалась такую же, какою она была на бале».

Наташа не умеет все это определить, назвать словами. Князь Андрей умеет: «Весь мир разделен для меня на две половины: одна — она и там все счастье, надежда, свет; другая половина — все, где ее нет, там все уныние и темнота...»

Чувствует Наташа так же, как он. Теперь вся ее жизнь до встречи с князем Андреем оказалась только ожиданием. Весь свой свет, всю радость, все добро, всю чуткость она копила для него. Она взяла на себя ответственность за человека, которого полюбила. Поэтому «она постоянно угадывала» все его чувства, поэтому спрашивала себя: «Что он ищет во мне?... Что, как нет во мне того, что он ищет этим взглядом?»

Двое нашли и полюбили друг друга. Но не может им быть легко, потому что за каждым из них — свой мир, и полюбить — одно, а понять — другое.

Умный, зрелый, знающий людей князь Андрей не понимает Наташу. «Для женитьбы нужно было согласие отца, и для этого на другой день князь Андрей уехал к отцу». Он не предупредил Наташу, что уезжает, даже не подумал об этом. Не мог себе представить, что из-за него, из-за его трехнедельного отсутствия Наташа, «как тень, праздная и унылая», будет бродить по комнатам и тайно плакать по ночам, и горевать, и об одном мечтать: чтобы ее оставили в покое, но знать: «сколько бы ни оставляли ее в покое, она уже не могла быть покойна...»

Та самая радость жизни, кипящая в Наташе, та самая радость жизни, которую полюбил в ней князь Андрей, заставляет ее так горько страдать. «Я не хочу... мучиться!» — кричит она матери, и это правда: ей не свойственно мучиться, ее характер не приспособлен к этому. Ей нужно счастье сейчас же, немедленно — и полное, безоблачное счастье: чтобы Он был все время с ней, здесь, рядом... Князь Андрей не понимает этого, хотя и он не может без нее жить, хотя и его лицо просияло, едва он снова увидел Наташу.

Спокойный князь Андрей может смириться с жестоким условием отца: отложить свадьбу на год, съездить за границу, полечиться. Для Наташи это условие ужасно. Она не сразу поняла его, сразу ей было важно одно: неужели это правда, он любит ее, они будут муж и жена.. Но, поняв, она плачет и повторяет: «Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно!.. Я умру, дожидаясь года...»

Кто виноват в том, что произойдет через несколько месяцев? Наташа, которая не дождалась; старый князь со своим жестоким упрямством; Андрей, подчинившийся отцу? Никто не виноват, — все жили, согласно своим характерам, и это не могло кончиться благополучно.

Если бы князь Андрей не уехал... Если бы княжна Марья и старый князь приветливо приняли Наташу... Если бы не вмешалась Элен и не стала сводить брата с Наташей... Если бы не Анатолий...

И ничего они не значат, эти «если бы». Князь Андрей оказался слишком рассудочен, слишком терпелив — он выбрал себе эту девушку, с этим радостно-счастливым оживлением, с этой жаждой жизни; эту девушку, понимавшую его, как никто до сих пор, — и он не понял, что ее-то нельзя заставлять ждать и мучиться.

Когда через полгода после его отъезда Наташа с потерянным лицом вошла в гостиную и сказала матери: «Его мне надо... сейчас, сию минуту мне его надо» — это была правда. Она ездила с Николаем на охоту и плясала у дядюшки, она казалась счастливой, но на самом деле ничто теперь не дает ей полного счастья; без него ей лес не лес, и снег не снег, и радость — не радость, потому что она любит.

Прощаясь с князем Андреем, она не плакала. «Не уезжайте! — только проговорила она ему таким голосом, который заставил его задуматься о том, не нужно ли ему действительно остаться, и который он долго помнил после этого».

Вот в чем он виноват: много думал о своей любви и мало — о том, что чувствует она. А в любви нельзя думать только о себе, это неоспоримый закон, и его нарушил князь Андрей.